

Читайте детективы Ольги Володарской!
В них нет запретных тем!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Карма фамильных бриллиантов
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Его величество случай
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне
Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника
Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада

Пролог

Саня Шумов сидел в своей каморке, пил крепкий, с пятью ложками сахара, чай и грыз ванильные сушки. Он был тучен и потлив. Сейчас его лоб был так влажен, что с него капало. Перед тем как поднести чашку ко рту, Саня вытирал его тыльной стороной ладони, чтобы пот не попал в чай. Он знал, что нужно похудеть. Если не для красоты, то для здоровья. Та же потливость появилась с лишним весом. Но как отказать себе в мучном и сладком? За смену Саня выпивал пять кружек чая с неизменными пятью ложками сахара и съедал большущий пакет печенья, вафель, снеков, смотря что продавалось по акции в ближайшем супермаркете. Но был еще полноценный прием пищи — Шумов приносил из дома в пластиковом контейнере макароны с сосиской или картошку с котлетой. Бывало, суп в литровой банке. Он пробовал диеты. Разные — агрессивные и щадящие, но хватало его максимум на неделю, а обычно дня на три. Сейчас Саня пытался себя ограничивать. Поэтому к чаю — сушки, на горячее тушеная капуста с куриным окорочком, вместо булочки — бородинский хлеб.

Шумов бросил взгляд на часы. Еще только полночь, а он ел горячее в два. Придется терпеть. Естественно, можно покушать и сейчас, но тогда до утра он с ума сойдет. И не от голода — от скуки.

Тяжко вздохнув, Саня поднялся со стула, взял фонарь и отправился на обход территории.

Шумов не то чтобы ненавидел свою работу... Она ему не нравилась.

Платили мало, выходить приходилось в ночь, да еще одному, без напарника, то есть не с кем ни в карты поиграть, чтобы скоротать время, ни трапезу разделить, ни поговорить. Но и ненавидеть работу было не за что. Никто не дергает, не следит за каждым шагом и... Не пугает! Последнее тоже важно. До того как стать сторожем склада с реквизицией на киностудии, Саня работал в офисе в историческом здании, первый владелец которого покончил с собой в собственном кабинете, второй умер за обеденным столом, подавившись рыбьей костью, третий был расстрелян большевиками на пороге особняка. После революции в нем содержали сначала беспризорников, затем преступников, пока во время Великой Отечественной войны не превратили в швейную фабрику. В девяностые фабрику выкупил частник и устроил в здании офис. Но и этот владелец вскоре скончался — его убил снайпер через открытую форточку. Именно застреленный нувориш чаще всего являлся в виде призрака по ночам. Саня собственными глазами его видел, но ему верили немногие. Лишь те, что сами когда-нибудь сталкивались с паранормальными вещами. Из-за блуждающей по коридорам старого особняка нечисти Шумов из офисного центра и уволился.

Склад поначалу тоже казался пугающим. В нем было тесно, душно, но это ладно... Среди декораций попадались такие, при взгляде на которые хотелось перекреститься. Фасады склепов, сатанинские алтари, гробы, виселицы... Все это было изготовлено для съемок самого масштабного российского ужастика со времен черно-белого

«Вия». Саня названия не помнил, помнил то, что смотрел его в интернете и радовался тому, что не потратил деньги на билет в кино. Фильм в прокате провалился. После чего продюсеры решили воздержаться от съемок ужастиков, но декорации не утилизировали, а оставили до лучших времен.

Со временем Саня к ним привык. Даже несколько раз в гробу спал. Он был обит изнутри поролоном, обтянут атласом, просто царское ложе по сравнению с раскладушкой в комнате охраны.

Сегодня Шумов присмотрел для ночлега диван в стиле Людовика. Какого именно по счету, он не знал. Кажется, четырнадцатого. Сане главное, чтоб диван удобным был... И не вонял. А то иногда перевезут декорации, а от них смрад идет. Когда протухшей едой — артисты роняют ее, и она забивается в щели и начинает гнить, когда кошачьей мочой (животные принимают участие в съемках), когда рвотой.

Саня дошел до дивана, присел на него, принялся. Вроде бы все нормально. Только между ним и стеной шкаф громоздкий, которого еще вчера не было, воткнули. Это значит — ноги не вытяни. А Саня любил их на подлокотник закинуть. И решил Шумов шкаф немного подвинуть. Подошел к нему, примерился. Положив фонарь на диван, поплевал на ладони, схватился за углы, напрягся, надавил...

Шкаф ни с места.

Шумов был удивлен. Он не мог назвать себя слабаком, в юности был КМС по тяжелой атлетике и до сих пор с рывка поднимал двухкамерные холодильники и двигал габаритные предметы мебели. Саня окинул шкаф взглядом. Да, большой, но не гигантский. И сколочен из обычного ДСП. Решив, что в него что-то набили, Саня решил открыть дверки. Они были заперты на навесной крючок. Откинув его, Шумов взялся за шарообразные ручки...

И тут что-то грохнуло позади него.

Саня одной рукой схватил фонарь, второй выдернул из-за пояса дубинку и развернулся.

Никого.

Только вырезанная из фанеры передняя часть телефонной будки валяется, а не стоит, хотя ее совсем недавно принесли и поставили у стены.

— Неужели снова призраки? — простонал Шумов. — Опять увольняться?

Но тут из-под фанеры показалась острая уса-тая мордочка.

— Бориска, как ты меня напугал, — сердито буркнул Саня, но следом облегченно выдохнул. Не призрак, а всего лишь крыс. Огромный, размером с кота. Он захаживал к Сане в гости, полакомиться объедками. Шумов назвал его Борисом и, можно сказать, полюбил. Все не одному в огромном помещении торчать. А тут живое существо, да интеллигентное: контейнеры Бориска никогда не прогрызал, на столы не лазил, где ни попадя не гадил, гостей на пиры не приводил.

— Подожди, сейчас ужинать пойдем. Я тебе вынесу... — У Бориски даже мисочка своя была. — Только нужно сначала шкаф подвинуть.

Сунув фонарик в рот, Саня распахнул-таки двери.

Да, шкаф не был пустым. В нем лежал человек. Спиной к дверцам. Саня взял его за плечо и развернул к себе...

Когда Шумов увидел лицо покойника (это совершенно определено был неживой человек), то фонарик выпал из его рта, а затем из него же вырвался такой душераздирающий крик, что привычный к людским голосам Бориска унесся к себе в подвал, забыв о еде и том, что он не гадит во владениях своего двуногого друга.

Часть первая

Ранее...

Глава 1

Женя шел по аллее городского парка и улыбался. Он обожал золотую осень, а в этот октябрьский день стояла такая дивная погода, что листья казались вырезанными из золотой фольги. Многие уже опали, и Женя наклонился, чтобы собрать букет.

«Унылая пора, очей очарованье, — декламировал он про себя, — приятна мне твоя прощальная краса...»

Женя обожал Пушкина. Считал его величайшим поэтом всех времен и народов. На второе место ставил Уильяма Блейка. На третье — себя.

Увы, Евгений Бородин родился не в то время. Оpozдал, как минимум, на пятьдесят лет. Появись он на свет хотя бы в сороковые-шестидесятые годы двадцатого века, у него был бы шанс прославиться, как у Евтушенко или Рождественского. Но он дитя перестройки, и в то время, когда Бородин пытался пробиться со своими стихами на книжный рынок, тот был заполнен детективами, боевиками и пошлейшими любовными романами. Юный поэт надеялся на то, что читатель этим фастфудом обожрется (лучшего слова не подберешь) и его потянет к изысканным яствам. Но Женя ошибся, пусть и не во всем. Наевшись «гамбургеров», читатель переключился на «суши» и прочую экзотику: Мураками, Кастанеда... Поэзией интересовались все

меньше. Сборники стихов если и печатались, то за счет авторов. И, естественно, выходили малыми тиражами. Евгений Бородин умудрился наскрести денег на двести экземпляров брошюры, но продать смог только треть, в основном родственникам, соседям и знакомым, что-то раздал «нужным» людям, остальное оставил до лучших времен...

Которые все не наступали.

Жене уже перевалило за тридцать. Он жил с мамой и дедом. Работал осветителем на киностудии. Туда его устроил дядька. Временно. Но, как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное. Поэтому Женя уже восемь лет трудился на одном и том же месте. Но стихи продолжал писать. Без этого он не мог. Свои произведения выкладывал на различных спецсайтах, их было довольно много. Каждый, кто публиковался там, надеялся на то, что его заметят издатели и предложат контракт. Женя не был исключением. Но годы шли, а ничего не менялось. Да, его читали, по большей части хвалили, и он мог похвастаться тем, что имеет фанатов своего творчества в разных уголках мира (в Израиле и Америке поклонники были точно), но Евгению было мало этого. Он понимал, что времена, когда поэты были кумирами, прошли, и ему не светит не только слава Пушкина и Блейка, но и Блока-Есенина, даже Евтушенко и Рождественского, к творчеству которых он относился с прохладцей, но согласился бы и на ту популярность, что обрушилась на его давнего друга Кукуся. Кукуся — это фамилия. Имя — Данила. Женька учил его строки рифмовать еще в пятом классе. Им задали сочинить стихи для учительниц и одноклассниц к 8 Марта, но Кукуся этого не умел. Бородин объяснил, как нужно...

На свою голову! Стих Данилы приняли так же хорошо, как и Женин. А учитель литерату-

ры обоим поставил пятерку с плюсом. Кукуся до этого одни тройки получал. Обрадовался, конечно. Но поскольку его больше интересовали футбол и стрельба из рогатки, то свободное время посвящал этим занятиям, а не поэзии.

Данила после девятого класса из школы ушел. Поступил в училище, получил профессию газосварщика, устроился работать на стройку. Получал хорошо и был жизнью доволен. Что заставило Кукуся вновь начать писать стихи, Женя так и не понял. Он спрашивал об этом у школьного приятеля, но тот неизменно отвечал: «Торкнуло» — и выдавал очередное свое творение, содержащее, как правило, ненормативную лексику. Именно благодаря матерным стишкам Кукуся и добился первой известности. Они понравились одному эпатажному рокеру, и он сделал их текстами для своих песен. Кукусе стали поступать и другие предложения, он начал хорошо зарабатывать, обзавелся нужными знакомыми и выпустил две книги. Одну — хулиганскую, вторую — лирическую. Как ни странно, успехом пользовались обе. Данила Кукуся, как оказалось, мог одинаково хорошо писать и о суровой правде жизни, с ее бытовухой, грубостью, матюгами, и о любви, нежности, верности...

По мнению Жени — примитивно, его рифмам не хватало изящества, но читатель этого не замечал. Ему все нравилось.

Бородин узнал об успехах одноклассника от одной из своих виртуальных подруг. Он познакомился с ней на сайте пушкинистов. Звали барышню Татьяной, и она была просто чудесной. Жене нравилось в ней все, начиная от тонкой натуры и заканчивая личиком. Оно не было красивым, но нежным и одухотворенным — да. Именно такие Бородина привлекали. К современным стандартам красоты Женя относился с легким отвращением.

Девушки с гипертрофированными губами, скулами, бровями напоминали ему кукол из секс-шопа... И казались такими же пустыми.

С Таней Бородин был знаком уже два года, но ни разу не видел ее в реале. Они только переписывались, отправляли друг другу фото и голосовые сообщения. Даже не созванивались, не говоря уже о большем. Женя предлагал Тане для начала пообщаться в скайпе, а если их впечатление друг о друге не испортится, то погулять или посидеть в кафе. Но барышня отказывалась, толком не объясняя причин. Бородин смирился с таким положением вещей и перестал навязываться.

Молодые люди продолжили виртуально дружить. Как-то раз Татьяна прислала Жене ссылку на страницу Данилы Кукусы в одной из топовых соцсетей (на поэтических сайтах он не появлялся). Так Бородин узнал, что тот, кого он в детстве научил рифмовать строки и отличать ямб от хорея, стал известным поэтом...

Позавидовал, конечно. Но убедил себя в том, что зависть белая. И решил написать Кукусе в надежде на то, что тот поможет Бородину продвигаться. Данила на послание ответил. Предложил встретиться в баре. Окрыленный Евгений примчался туда в назначенный час с брошюрой и блокнотом, в который записывал стихи. Но оказалось, Кукуся позвал его «чисто побухать». Когда Женя заводил разговор о поэзии, он опрокидывал в себя очередную кружку темного пива, отрывал и начинал читать свои вирши, да громко, чтоб все слышали. В тот день Бородин так и не смог поделиться с ним своим творчеством. Но брошюру сунуть умудрился. Да только хмельной Кукуся потерял ее по дороге домой, о чем без всякого сожаления сообщил школьному товарищу, когда тот позвонил, чтобы справиться, как ему понравились

его стихи. Женя обиделся и под разными никами оставил разгромные отзывы на книги Данилы. Однако, когда спустя месяц тот позвонил Бородину и пригласил побухать, все-таки потащился в бар, надеясь, что в этот раз сценарий будет иным... Но где там!

Третья встреча бывших одноклассников состоялась лишь потому, что Кукуся позвал Бородина не в пивной бар «Бавария», а в клуб «Общество мертвых поэтов». Женя ожидал чтений в камерной обстановке и бесед о высоком за бокалом шампанского, а оказался в бедламе похлеще пивнушки. Клуб оказался андеграундным, там все бухали, орали, матерились, а под конец вечера дрались. Евгений был в шоке от того, что все присутствующие называли себя поэтами. Кукусю это веселило:

— Если б я тебя не помнил первоклашкой, то решил бы, что ты путешественник во времени... И прибыл к нам из золотого века! Хотя и тогда поэты еще теми были кадрами. И пьянствовали, и за бабами бегали, и дрались... А уж как сквернословили! Читал я матерные стихи твоего любимого Александра Сергеевича.

— Не доказано, что они его, — тут же попытался защитить солнце русской поэзии Женя. — Но если и так, Пушкину простительно. Пошалил, бывает. Вы же меры не знаете. И такое ощущение, что достаточное количество «печатных» слов для того, чтобы выразить свои чувства, это не для вас.

— В мате есть экспрессия. И «непечатные» слова тоже часть языка.

— Поэт должен нести свет людям. Как Данко.

— Данко вырвал себе сердце, а ты на это не способен, — презрительно хмыкнул Кукуся.

— Откуда тебе знать? Ты не читал моих стихов.

— Но я потерял книгу, — пожал плечами признанный поэт.

— Я накидал тебе кучу ссылок!

— Ой, я не дружу с компами.

— И кто из нас из прошлого? — ехидно заметил Женя. — Но у тебя же активные страницы в нескольких соцсетях.

— Этим занимается мой младший брат, я ему за это денжат подкидываю. А сам я даже печатать не умею. Стихи записываю от руки.

— Кстати, я тоже. Вот у меня с собой и блокнот с ними есть.

— Да, я помню, таскался с каким-то.

— Тот заполнен. И стихи перепечатаны и выложены в сеть еще в прошлом году. Сейчас при мне другой. В нем еще достаточно чистых страниц.

— Ладно, давай, почитаю.

— Только не потеряй, — попросил Женя, протянув Кукусе блокнот. — Это единственный экземпляр.

— Зуб даю! — заявил Кукуся и застегнул карман, в который засунул блокнот, на молнию.

— Как прочтешь, позвони. Мне интересно твое мнение.

— Договорились.

После этого школьные приятели распрощались. Но прошла уже неделя, а признанный НЕГЕНИЙ НЕПРИЗНАННОМУ гению так и не позвонил.

...С охапкой кленовых листьев Женя покинул парк. Букет получился таким красивым, что хотелось его подарить кому-нибудь. Если бы Бородину не нужно было на работу, он вернулся бы домой и преподнес его маме. Но его ждали на киностудии, поэтому Женя продолжал двигаться по направлению к метро.

Снова вспомнилась Татьяна. Они жили в одном районе, это выяснилось, когда в беседе был затронут парк, в котором еще пять минут назад Бородин

собирал листья. Таня, в отличие от него, гуляла по нему еще девочкой. Женя же с мамой и дедом всего четыре года назад переехал в эту часть города. Раньше жили близко к центру, в огромной трешке. Но дядька, рассорившийся с отцом и сестрой, тот самый, что устроил племяша на работу, потребовал своей доли, пришлось размениваться.

«Странно, что я за эти четыре года ни разу не встретил Таню в парке, — думал Женя, шагая к метро. — Все, кто живет неподалеку от него, там бывают. Я же через него хожу на метро каждый день...»

Бородин приостановился. Достал телефон и стал смотреть фото, что присылала ему Таня. Все это были домашние сэлфи. По сути одинаковые. Но на одном девушка особенно Жене нравилась, она была заснята на фоне открытого окна. Качество снимка оставляло желать лучшего, поскольку свет падал неправильно, но на нем Таня была живой и непосредственной. Ветер раздул ее челку, она упала на глаза, и девушка задорно поглядывала из-под нее в объектив. Бородин остановился именно на этом фото. Но его интересовало не лицо девушки, а то, что находилось за окном. Он увидел двухполосную шоссейную дорогу, остановку автобуса, за ней трехэтажное здание и выглядывающую из-за его крыши верхушку стеклянной пирамиды.

Оглядевшись, он ничего похожего не заметил. Решил обратиться к проходящей мимо пожилой женщине:

— Извините, вы не узнаете это место? — и сунул ей под нос телефон.

Бабка сумрачно глянула на Бородина из-под очков и проворчала:

— Я себя порою в зеркале не узнаю, у меня катаракта.